

KeT ЛаП

КАК КАРТА ЛЯЖЕТ «ВЯТКА-ПОКЕР»

Семь любителей. Три профи.
Ставка на достоинство.

18+

КЕТ ЛАР

Как карта ляжет.

<<Вятка-покер>>

<https://litres.ru/74052554>

SelfPub; 2026

Аннотация

«Вятка-покер» — клуб в сердце Кирова, где по вечерам собираются не ради денег, а ради души. Сантехник, учитель, таксист и хозяин Макс, открывший место как ковчег для своих, знают друг о друге всё и верят, что так будет всегда.

Но однажды в их гавань врываются трое московских профи с ледяным взглядом и чемпионскими титулами. На стол ложится миллион — не ради игры, а чтобы растоптать «провинциалов». В хмельном отчаянии один из своих бросает безумный вызов.

У друзей три дня, чтобы вывернуть карманы, залезть в кредиты, снять последние сбережения. Семь любителей против трёх безжалостных игроков. Договор: победа одного — выигрыш на всех. Это ставка на достоинство целого города, на выкованную годами дружбу и отчаянную веру в чудо. Ставки сделаны. Шанс — один на миллион.

Содержание

Глава	4
Конец ознакомительного фрагмента.	39

КЕТ ЛАР

Как карта ляжет.

<<Вятка-покер>>

Глава

Глава 1. Туз в рукаве

Максу шёл тридцать шестой год — возраст, когда мужчина уже не мечется в поисках себя, но ещё способен свернуть с протоптанной колеи. Возраст, когда понимаешь разницу между усталостью после работы и усталостью от жизни. И когда точно знаешь: если не сделать шаг сейчас — не сделаешь уже никогда.

Он сидел на лавочке в Александровском саду, смотрел, как ветер гоняет по аллеям первые жёлтые листья, и прокручивал мысль, которая не давала покоя полгода. Покер. Не тот, в который рубятся в прокуренных катранах, спуская зарплаты и залезая в долги. Другой — медленный, умный, с разговорами и пивом. Покер, где блефуешь не ради наживы, а чтобы проверить себя. Способ перестать быть чужим в собственном городе.

Он родился и прожил всю жизнь в Кирове. Однажды после рабочего дня вдруг понял, что город стал для него глу-

хим. Соседи по подъезду не здоровались, коллеги обсуждали только дачи и кредиты, а в барах по выходным играла одна и та же музыка, под которую никто не танцевал. Ему не хватало места, где можно сесть за стол с незнакомыми людьми и узнать, кто они. Услышать их истории. Сыграть не на деньги — на интерес.

Идея пришла не сразу. Сначала он просто раскладывал карты на кухонном столе — старые, затрёпанные, с загнутыми углами. Вспоминал институтские ночи в общаге: кружка пива вместо фишек, лица сокурсников в полумраке. Тогда карты были не игрой — спасением от рутины и одиночества. Почему здесь, дома, должно быть иначе?

Как-то вечером он набрал в поисковике «купить набор для покера Киров» и уставился в экран. Магазин «Мир увлечений» на Ленина — три остановки от дома.

На следующее утро он стоял перед витриной. За стеклом, подсвеченные мягкими лампами, лежали наборы всех мастей: дешёвые пластиковые, солидные в кожаных кейсах, дорожные в бархатных мешочках. Макс выбрал средний — двести фишек в алюминиевом кофре, две колоды с льняной фактурой и буклет правил, который так и не открыл.

Продавщица — молодая, с розовыми прядями и скучающим лицом — пробила покупку и хмыкнула:

— Подарок, что ли?

— Подарок, — кивнул Макс, не вдаваясь в подробности.

— Завернуть?

— Да. В крафтовую бумагу.

Она сморщила нос, но завернула. Макс расплатился и вышел. Сентябрьское солнце било в глаза, по Ленина катили троллейбусы, обвешанные рекламой. Обычный день обычного города. Только у Макса в руках был билет в другую жизнь.

Оставалось найти место.

Поиски заняли две недели и едва не похоронили всю затею. Он обошёл полгорода: полуподвалы на Московской, пустующие залы на Володарского, даже бывшее бомбоубежище за цирком — сырое, с запахом плесени. Всё было не то. То аренда кусалась, то хозяева хотели видеть магазин, а не «какие-то карточные посиделки». Один прямо так и сказал: «Молодой человек, идите работать».

А потом помог случай.

Он шёл по улице Труда — неприметной, тихой, зажатой старыми домами. Дождь только кончился, асфальт блестел, в лужах отражались облака. На уровне тротуара мелькнула деревянная дверь, окрашенная в коричневый, с латунной ручкой и стёртой табличкой.

Бар «Свои».

Ниже, под тротуаром, угадывались окна подвала — узкие, забранные решётками, с мутными стёклами. Тянуло оттуда не затхлостью, а сухим кирпичом и старым деревом.

Макс толкнул дверь и спустился. Основной зал был выше, но лестница вела и вниз, в подвал. Там горела тусклая лам-

почка, стояли ящики и бочки — хозяйственное помещение, которое не использовали по назначению. Стены из красного кирпича, сводчатый потолок, бетонные плиты пола. Сухо и просторно.

— Заблудился, друг?

Макс обернулся. Хозяин — коренастый мужик лет сорока, бритый череп, татуировка-молния на шее. Лёха Громов по прозвищу Гром: бывший десантник, ныне владелец заведения, которое держалось на плаву скорее чудом, чем коммерческой жилкой.

— Я насчёт подвала, — без предисловий сказал Макс. — Не сдаёте?

Гром спустился, оглядел гостя с головы до ног. Взгляд цепкий, но не враждебный — оценивающий.

— Смотря для чего. Склад — ради бога. Кабак второй — не потянешь, тут вентиляцию переделывать, а у меня лишних денег нет.

— Не кабак. Покерный клуб.

Гром хмыкнул.

— На деньги?

— На интерес. На разговоры. На пиво.

Пауза. Гром потёр татуировку, словно она вдруг зачесалась.

— Слышь, Макс, ты менеджер вроде. Чего вдруг карты?

— Понимаешь, Лёха... — Макс обвёл подвал рукой. — Я живу в этом городе тридцать пять лет и почти никого не

знаю. По-настоящему. Мне не хватает места, где можно сесть за стол с людьми и услышать их. Просто услышать. А карты — повод. Не ради денег. Ради того, чтобы пришли, расслабились и заговорили.

Гром молчал. Потом подошёл к стене, потрогал кирпич, притопнул по бетону.

— Тридцать тысяч в месяц. Коммуналка пополам. И чтоб без драк.

— Идёт.

— И название приличное. Без этих ваших «Казино-шмазино».

— «Вятка-покер», — улыбнулся Макс. — Просто и по-нашему.

Гром протянул руку. Ударили по рукам.

Дальше Макс жил на два мира. Днём — офис, звонки, совещания, размеренный гул менеджерской рутины. Вечерами — подвал. Кирпич был сухой и чистый, пол ровный, отопление работало — ремонт не требовался, только мебель.

На сбережения он купил два добротных покерных стола, каждый на десять человек: столешницы с глубокими подстаканниками, обтянутые плотным зелёным сукном, массивные деревянные ножки. К ним — дюжину стульев с прямыми спинками и мягкими сиденьями. Пару дней расставлял столы так, чтобы между ними можно было свободно пройти.

Освещение продумывал особенно тщательно: никакого неона, бьющего по глазам. Только матовые плафоны с тёп-

лым светом — два над каждым столом, один у входа, один у лестницы. Тени ложились мягко, как в гостиной. На стену повесил старые часы с маятником — материнский подарок, годами пылившийся на антресолях. Они пошли, стоило завести, и теперь отмеряли минуты солидным, неспешным тиканьем.

У стены оборудовал пивной уголок: компактный холодильник с тёмным и светлым — местный крафт и пара сортов из соседних областей, — стопка запотевших кружек, старинная открывашка на цепочке, жестяная коробка с солёными сушками. Никакого кофе — только пиво, только холодное, только простота. Захочешь покрепче — поднимешься к Грому, там своя кухня.

Над лестницей Макс приколотил вывеску. Вырезал сам из листа фанеры, обжёг газовой горелкой, чтобы проступили волокна — тёмные на светлом, — и вывел масляной краской: «Вятка-покер». Без претензий, без крикливости. По-северному сдержанно, по-вятски основательно.

Когда основная работа была позади, он достал набор. Распечатал крафтовую бумагу, открыл кейс. Фишки лежали ровными рядами — красные, синие, зелёные, белые, чёрные. Тяжёлые, с приятным перестуком. Он высыпал горсть, разровнял ладонью. Распечатал колоду. Карты заскользили по сукну, как живые, и он вдруг замер, ощутив внутри тот сухой азарт, который бывает перед важным стартом.

Он сел во главе стола — туда, откуда будет управлять иг-

рой, — и разложил пасьянс. Карты ложились тихо, часы тикали, из холодильника тянуло солодом. Подвал больше не был подвалом. Он стал клубом.

Оставалось позвать людей.

Макс действовал осторожно — не хотел спугнуть будущее. Никаких афиш, никакой рекламы в лифтах. Начал с малого: завёл страницу в соцсетях — простую, с фотографией зелёного сукна, вывески и запотевшей кружки. Пост сочинял два дня:

«В центре Кирова, в подвале бара „Свой“ на улице Труда, открылся маленький покерный клуб „Вятка-покер“. Мы не играем на деньги. Мы играем на интерес, на разговоры и на пиво. Никаких ставок в рублях — только хорошее настроение и честная игра. Приходите в субботу к восьми, если устали от рабочей недели. Новичкам объясним правила. Профессионалам дадим достойных соперников. И всем — холодное пиво».

В следующую субботу он расклеил двадцать объявлений на бумаге цвета слоновой кости. Не на столбах — на досках у подъездов, в кофейнях, в книжном на Спасской. С тем же текстом и маленькой картой-схемой.

Когда он прикалывал листок в политехе, его окликнули. Илья Семёнович, преподаватель с кафедры математики, которого Макс знал ещё со студенчества.

— Что, Максим, никак клуб открыл?

— Открыл, Илья Семёнович. Приходите. Вам, математи-

ку, сам бог велел.

Старик поправил очки, долго вглядывался.

— Без денег, говоришь?

— Без. Только фишки.

— Любопытно. Весьма любопытно. Я ведь в молодости теорию вероятностей студентам на покере объяснял. Пока ректор не запретил — решил, что азартные игры разлагают академические умы. — Он усмехнулся. — А умы разлагало не это. Ну ладно, Максим. В субботу возможно приду .

Макс шёл обратно с последней стопкой объявлений в кармане. Солнце садилось, красило кирпичные стены в охру и золото, ветер нёс с Вятки запах речной воды и прелых листьев ...Он подумал, что именно так и должен пахнуть сентябрь — переменой.

За три дня до первой игры он сидел в пустом подвале, тасовал и сдавал втёмную, представляя, кто придёт. Реклама работала: страница набрала двести подписчиков, несколько человек написали в личку — можно ли с друзьями, можно ли без опыта, можно ли просто посидеть и посмотреть. Всем отвечал: можно всё.

Он подошёл к оконцу под потолком, приоткрыл створку. В подвал ворвался уличный шум — смех, голоса, обрывок музыки из чьей-то машины. Город жил своей жизнью, не подозревая, что под землёй, в бывшем хранилище для капустных бочек, уже зреет маленькая революция.

Он вернулся к столу, взял красную фишку — тяжёлую, с

матовыми боками. Положил в центр сукна. Достал из колоды туза пик, повертел в пальцах, ощущая льняную текстуру, и накрыл им фишку.

— Ну что, «Вятка-покер», — сказал он вслух, и голос заметался под арочным сводом. — Через три дня увидим, стояло оно того или нет.

Часы тикали. За окном сгущались сумерки, а Макс всё сидел над столом, глядя на туза, и думал о людях, которые придут. О тех, кому нужен не выигрыш, а место, где можно быть собой. О тех, кто устал от одиночества в толпе, от безликих вечеров перед телевизором, от городов, где все друг другу чужие.

Он не знал их имён. Не знал лиц. Но уже чувствовал — они есть. И они придут.

Потому что в тридцать пять умеешь отличать пустую заてю от настоящей. И знаешь: если игра началась с правильно выбранной карты — карта вытянет всю партию.

Туз пик лежал на зелёном сукне, смотрел единственным чёрным оком в потолок и молчал. Молчание было обещанием.

Макс поднялся, погасил свет и запер дверь.

До первой игры оставалось три дня.

Глава 2. Первая раздача

К субботе Макс извёлся до звенящей пустоты внутри — той, что гудит в солнечном сплетении тише комара, но не

даёт усидеть на месте.

Фишки он перебирал раз десять. Сначала рассортировал по цветам, потом по номиналам, потом расставил ровными столбиками, как оловянных солдатиков, которым всё равно, проиграют они или нет. Порядок в кейсе ничего не решал, но руки просили дела, а голова отказывалась прокручивать одно и то же: а если никто не придёт? В холодильнике ждало «Вятское» — тёмное, светлое, нефильТРованное, всё, что нашлось в ближайшем гастрономе. На жестяном противне высилась горка солёных сушек — тех, что местные брали к пиву по привычке, вбитой поколениями. Колоды Макс проверил трижды: две запечатанные, с целлофановым хрустом, и одна льняная, распечатанная, из старого отцовского набора. Её он прихватил из дома машинально — сунул в сумку, когда собирал вещи, — и теперь, проведя большим пальцем по краю, ощутил то, за чем ехал: тепло, и тихий, почти забытый зов.

Без четверти семь он спустился в подвал.

Зажёг лампы. Матовые плафоны облили столы медовым светом, и зелёное сукно вдруг сделалось объёмным, глубоким, почти живым. Подвинул стулья — на сантиметр один, на два другой, — добиваясь симметрии, которой никто не заметит. Открыл форточку, впуская вечер: влажный речной дух, тополиную горечь и откуда-то с трассы — бензиновый шлейф. Часы на стене бухали секундами, как капли в пустую бочку. Он сел во главе стола, выложил колоду и приготовил-

ся. Ладони потели.

В семь пятнадцать на лестнице зазвучали шаги — лёгкие, быстрые, с тем особым перекатом, какой остаётся у женщины, привыкшей к каблукам, даже если сейчас она в чём-то плоском и мягком. Дверь открылась без стука — то ли от нетерпения, то ли от уверенности.

В проёме стояла девушка.

Рыжие волосы собраны в высокий хвост, и он покачивался при каждом движении — так колышется пламя, когда в печи только-только занимается огонь. Джинсы, клетчатая рубашка с закатанными по локоть рукавами, открывавшими тонкие, жилистые запястья. Просто, даже небрежно. Но Макса задело не это. Задело, как она вошла: подвал, только что казавшийся ему просторным, она оглядела одним движением — быстро, по-хозяйски, как осматривают зал перед сменой, — и сразу стало ясно, кто здесь чувствует себя на своём месте, а кто пока в гостях. Он одёрнул себя. Хозяин, не пацан.

— Добрый вечер, — произнесла она. — Это здесь «Вятка-покер»?

— Здесь. — Он встал. — Максим.

— Джессика.

Имя прозвучало с вызовом — так представляются девушки, выросшие в бетонных коробках спальных районов, уехавшие за лучшей долей и вернувшиеся с новым именем, как с боевым трофеем. Он вызов услышал, но пропустил мимо ушей.

— Рад, что пришли. Пива?

— Для начала можно.

Макс двинулся к холодильнику, чувствуя спиной её взгляд — оценивающий, без стеснения. Налил аккуратно, с уважением к пенке. Она подошла к столу, и ладонь её скользнула по сукну — бессознательно, почти интимно. Макс узнал это движение: так считывают фактуру только те, кто провёл за зелёным столом сотни часов. Пальцы длинные, ногти короткие, рабочие.

— Хороший стол, — сказала она скорее себе, чем ему. — Сукно итальянское?

— Не знаю. Продавец сказал — «отличное».

— Не соврал. — Она взяла кружку и сделала первый глоток с закрытыми глазами. — Холодное. Уже плюс.

— Играли раньше?

Джессика посмотрела на него с полуулыбкой, в которой читалось: я знаю больше тебя, но так и быть, расскажу.

— Три года дилером в «Казино-Урал». Екатеринбург, потом Пермь. Раздавала всё — холдем, омаху, стад. Ушла, когда поняла, что меня тошнит. — Слово упало жёстко, без прикрас. — От чужих проигрышей тошнит сильнее, чем радуют чужие выигрыши. Понимаешь?

Он кивнул. Не то чтобы понимал — такого опыта не было, — но почувствовал нутром.

— Вернулась в Киров, думала — всё, завяжу. А тут ваше объявление. — Она качнула головой в сторону двери, где всё

ещё белел листок. — Видимо, судьба.

— Значит, судьба, — согласился он, и слово это вдруг перестало быть фигурой речи. Наполнилось весом.

— Значит, пиво холодное. — Она села, закинув ногу на ногу.

Наверху хлопнула дверь, и по лестнице загремели шаги — совсем другие: отрывистые, чеканные, с ритмом людей, привыкших не ходить, а прорываться сквозь пространство. Дверь распахнулась резко.

Вошедший был худ, жилист, собран как пружина. Лет двадцати пяти на вид, светлые волосы торчали в разные стороны — не от ветра, а от привычки запускать в них пальцы. Чёрная футболка с незнакомым логотипом, вытертая на локтях почти добела. Прямоугольные солнечные очки.

Он застыл на пороге и просканировал помещение: столы, Джессика, Макс. Ни намёка на улыбку.

— Покер? — бросил он, словно фишку на кон.

— Покер. На интерес. Без денег.

Парень кивнул коротко — будто слова были проверкой, которую он засчитал.

— Правила?

— Техасский холдем. Блайнды растущие. Стартовый стек — две тысячи.

— Идёт. — Он сел напротив Джессики и, кажется, только сейчас заметил, что она рыжая и сидит близко. Взгляд споткнулся на долю секунды и вернулся обратно — как стрелка

компаса, которую качнуло, но она всё равно нашла север.

— Енот, — представился он так, будто делал запись в турнирном протоколе.

Джессика улыбнулась.

— Енот?

— Позывной. Игровой никнейм. — Ни тени улыбки. — В онлайнe знают.

— А по паспорту?

— Женя. Но за столом — Енот.

— Почему Енот-то? — спросил Макс, чтобы разрядить воздух; напряжение висело в подвале, как статика перед грозой.

Енот выдержал паузу на секунду дольше, чем требовал ритм беседы.

— Потому что в покере главное не карты. Главное — как ты их разыгрываешь. Енот — зверь мелкий. Думают, безобидный. Пока не загонят в угол. А там порвёт. И руки ловкие. — Он выложил кисти на сукно: узкие, с длинными, подвижными пальцами. Руки хирурга. Или шулера.

— Годится, — сказал Макс и почувствовал, как отпускает под рёбрами. Двое пришли. Двое — это уже не пустота. Двое — это начало.

— Воды, — ответил Енот на незаданный вопрос. — За столом не пью.

— Серьёзный подход, — протянула Джессика, разглядывая его уже без насмешки.

— Играю три года. Онлайн. В катранах бывал, но не моё. Там не покер — там кто кого переорёт. Я хочу играть. В настоящий. Где думать надо.

— Здесь надо думать, — пообещал Макс.

Енот смерил его тем самым проверочным взглядом и кивнул.

Третий гость объявил о себе заранее — ещё с лестницы, медленными, увесистыми шагами, с долгими паузами между ступенями. Так ходят люди, которые давно перестали бороться со временем и заключили с ним сепаратный мир. Дверь он открыл неторопливо, будто входил к себе домой.

Лет чуть за сорок, но возраст ускользал, как всё в его облике. Макушка блестела чистой, розовой кожей в обрамлении остатков волос. Широкая борода — тёмно-русая, с обильной проседью, похожей на иней, — спускалась на грудь и сливалась с воротником растянутого свитера. Серый, в рубчик, со скатанными на животе катышками; и живот этот — обширный, мягкий, уютный — переваливался через ремень джинсов. Макс с ходу окрестил его про себя: классический «скуф» — домашний, неопрятный, пропитанный запахом кухни и покоя.

Но лицо у него оказалось поразительно доброе — круглое, с ямочками и маленькими, вечно прищуренными глазами, в которых плясала какая-то своя, глубинная шутка. С таким лицом хорошо сидеть на кухне в халате и травить байки, от которых все сползают под стол.

— Добрый вечер, — прогудел он сочным баском. — Это у вас тут картами балуются?

— У нас. Проходите. По объявлению?

— По нему, родимому. — Он шагнул внутрь, и половицы скорбно закрипели. — Суббота, делать нечего. Игру люблю, а компанию — ещё больше.

Он водрузил на стул пакет, извлёк две бутылки тёмного — в точности такого же, какое стояло в холодильнике, — и со стуком поставил на стол.

— Квасом кличут. — Рот его расплзся в улыбке, обнажив щербинку между передними зубами. — По паспорту Константин, но это для налоговой и тёщи. А так — Квас. То ли потому, что уважаю этот напиток, то ли потому, что сам на него похож: тёмный, пенящийся. — Он захохотал, и живот заходил под свитером, как море в ветреный день.

Джессика спрятала улыбку в кружку. Енот поправил очки и уставился на Кваса так, будто перед ним сидела новая, неизвестная науке разновидность оппонента, которую следовало срочно просчитать.

— Играть умеете? — спросил он в лоб.

— Я? — Квас уселся; стул под ним жалобно скрипнул, но выдержал. — Покер — постольку-поскольку. Преферанс знаю хорошо, в студенчестве в дурака на раздевание резались, но это было давно и враньё наполовину. — Он снова хохотнул. — Если начистоту — я больше по части компании. Посидеть, анекдот рассказать, пивка попить. Но карты дер-

жать умею. Не боюсь.

Макс разглядывал его и не мог понять: то ли перед ним гениальный актёр, рядящийся в простачка, то ли просто хороший мужик, которому субботним вечером некуда податься. Оба варианта его, как ни странно, устраивали.

— У нас без денег, — уточнил он. — На интерес.

— А я деньги с собой и не взял. — Квас развёл руками.

— У меня супруга весь бюджет держит, а я человек подневольный.

Джессика расхохоталась — звонко, запрокинув голову, и в подвале словно прибавилось кислорода. Енот расслабил плечи — на пару миллиметров, не больше. А Макс ощутил, как с губ сползает улыбка — не дежурная, а та, что идёт изнутри.

Компания складывалась дикая, невозможная: рыжая профессионалка с колючим прошлым, худощавый айтишник с повадками хищника и лысоватый бородач, пришедший явно не за покером, а за теплом. Но при этом — живая, дышащая, настоящая.

— Ну что ж, — сказал Макс, поднимаясь. — Тогда давайте начинать.

Он снял с колоды целлофан, и карты ожили в пальцах — сначала чуть непослушно, потом легче, текучее. И от этого простого ощущения внутри разливалось спокойствие — то самое, какое приходит, когда делаешь то, для чего рождён.

И тут наверху снова скрипнула дверь. Шаги — двое. Первые: шаркающие, враскачку, неспешные. Вторые: тихие,

осторожные, словно человек не был уверен, туда ли попал.

Первым ввалился мужчина лет сорока — круглолицый, румяный, с редяющими волосами, зачёсанными набок, и выражением лица, какое бывает у людей, всегда готовых посмеяться, даже не услышав шутки. Мятая рубашка навыпуск, старые джинсы с протёртыми коленями. Но взгляд притягивала не одежда, а правая рука: на безымянном пальце сидел перстень — массивный, бросающийся в глаза, не то стальной, не то серебряный, в виде хомута. Настоящий крошечный хомут, с болтами и гайками — грубая, мужская вещь, совершенно не вязавшаяся с добродушной физиономией.

— Добрый вечер! — гаркнул он с порога и тут же заулыбался, будто встретил старых друзей. — Это здесь в картишки? Я по объявлению. Меня Юркой звать. Юрий. Но лучше просто Юрка. — Не дожидаясь приглашения, он протянул Максу широкую тёплую ладонь. — Увидел листок — дай, думаю, зайду. Суббота, жена к теще уехала, чего одному-то сидеть?

— Максим. — Он пожал руку и кивнул на стол. — Проходите. Как раз начинаем.

Юрка плюхнулся на свободный стул и оглядел всех с живейшим интересом.

— О, девушка! — Он всплеснул руками. — Уже ради этого стоило прийти! А то думал — одни мужики, пиво, храп. А тут вон какая красота.

— Джессика, — представилась она сдержанно, но уголки

губ дрогнули.

— Джессика! — повторил он, пробуя слово на вкус. — Красивое имя. Мощное. Как мотоцикл.

Квас одобрительно хмыкнул и подвинул ему бутылку тёмного.

— Юрка, пива?

— А то! — Он принял бутылку и заметил, что Квас разглядывает перстень. — А, это? — Юрка покрутил пальцем, чтобы все видели. — Талисман. Друг подарил давно: «Юрец, носи, фарт будет». Я мужик не суеверный, но с тех пор — вот. — Перстень глухо звякнул о стол. — Не снимаю. И знаете — работает! Пару раз в лотерею выигрывал. По мелочи, но приятно. А такого, — он подмигнул Джессике, — у нас в Кирове больше ни у кого нету. Эксклюзив.

— Хомут, — констатировал Енот без выражения.

— Именно! Хомут! Чтобы удачу держать. Пристяжную. — Юрка расхохотался заливисто, заразительно — так, что даже у Енота дрогнули очки.

Второй вошедший всё ещё медлил у порога. Мужчина чуть за тридцать — худощавый, с аккуратно подстриженной тёмной бородкой, в простых джинсах и чистой, но неглаженной клетчатой рубашке. Он держался у двери, словно ещё не решил, оставаться или уйти. В руке — неловко, будто сам не знал, зачем её взял, — бутылка светлого «Вятского».

— Проходите, — сказал Макс. — Вы тоже по объявлению?

Мужчина мотнул головой и сделал осторожный, почти извиняющийся шаг.

— Да нет. Я вообще-то сосед. Артём. Васенин. — Он говорил негромко, с интонацией человека, привыкшего больше слушать, чем говорить. — В доме напротив живу. Вышел за пивом, возвращаюсь — у вас свет в подвале, дверь открыта, люди спускаются. — Он виновато улыбнулся. — Прочитал объявление. Дай, думаю, загляну. Если можно.

— Можно, — сказал Макс.

— Я в покер не очень, — Артём переступил с ноги на ногу. — В детстве с пацанами во дворе резались. Но вечер пустой, пиво есть. Если компания не против — посижу, посмотрю. Заодно познакомимся. А то полгода тут живу, а с соседями всё никак.

— Компания только за, — прогудел Квас, вздымая бутылку. — Присаживайся, сосед. У нас демократия. Хочешь — играй, хочешь — смотри.

— Ну, если демократия... — Артём сел с краю, чуть поодаль — будто всё ещё не был уверен, что имеет право здесь находиться. Бутылку поставил перед собой и принялся обдирать этикетку — привычка нервная, бессознательная, выдающая человека, которому нужно занять руки.

Макс оглядел стол. Джессика, Енот, Квас, Юрка, Артём. И он сам. Шестеро. Шестеро — это уже не посиделки. Шестеро — это турнир.

— Ну что, — сказал он, чувствуя, как внутри расправля-

ется отпущенная пружина. — Все в сборе. Правила знают все. Ставок на деньги нет. Играем на выбывание. Последний забирает главный приз.

— Какой? — голос Енота прозвучал резко, как удар биты.

— Уважение. — Макс позволил себе улыбнуться. — И право выбрать музыку на следующий вечер.

— За уважение! — Квас поднял кружку.

— За уважение, — эхом откликнулась Джессика.

Юрка стукнул бутылкой о стол; перстень-хомут глухо звякнул.

— За уважение! И за компанию! А то сидел бы сейчас один, смотрел футбол и пил в одну харю. А тут — люди! Карты! Жизнь налаживается!

Артём улыбнулся уголками губ, но в глазах зажглось то же, что и у остальных: предвкушение.

Макс закончил тасовать. Срезал колоду. Пальцы больше не дрожали.

— Первая раздача, — произнёс он и сам услышал, как голос изменился: стал ниже, глубже. Это был голос человека, который нашёл наконец то, что искал.

Карты легли на зелёное сукно — шурша, как осенние листья по асфальту.

Шестеро потянулись к закрытым картам, затаив дыхание. И каждый в этот миг был по-своему хорош. Джессика — сконцентрированная, хищная. Енот — застывший, считавающий. Квас — всё ещё улыбающийся, но уже иначе: в при-

щуре мелькнуло что-то острое, чего никто не ждал. Юрка — шумно выдохнувший, потирающий перстень большим пальцем. Артём — осторожный, почти робкий, но не ушедший.

Макс приподнял края своих карт — на сантиметр, не больше.

Король и туз. Чёрные.

Туз смотрел на него с той спокойной, древней усмешкой, с какой смотрят на людей, решившихся начать. Не обещая ничего. Но и не отговаривая.

Он положил карты обратно — лицом вниз — и потянулся к фишкам. Пальцы сомкнулись на холодном пластике.

И в этот миг — за секунду до того, как первая ставка легла на стол, — глубоко под рёбрами, там, где весь вечер зудела пустота, вспыхнуло и разлилось горячее, обжигающее чувство. Не радость. Не триумф.

Узнавание. Он наконец оказался там, где должен был быть.

Глава 3. Длинная игра

Первые руки шуршали в тишине, точно сухой песок. Карты ещё хранили фабричную жёсткость — упругие, непривычные к пальцам. Фишки постукивали друг о друга, и звук напоминал Максиму детство: перестук колёс ночного поезда, который только отошёл от перрона и ещё не знает, куда придёт.

Он раздавал. Руки работали сами — память тела, вбитая

за сотни вечеров на кухне, где отец, щурясь от лампочки под абажуром, учил: «Не зажимай карту, сынок. Скользи». Веер, лёгкий поворот кисти — Макс давно этого не делал и теперь с удивлением обнаружил, что ничего не забыл. Джессика следила за его руками с прищуром профессионала — так часовщик разглядывает чужой механизм. Енот буравил взглядом каждое микродвижение: не мелькнёт ли карта не той рубашкой, не задержится ли палец на углу дольше положенного. Макс поймал этот взгляд и раздавал ещё чище. Не из страха — из гордости. Когда тебя экзаменует тот, кого ты уже записал в соперники, хочется соответствовать.

Первый круг — пристрелочный. Все присматривались поверх вееров и молча прикидывали: кто здесь рыба, кто профи, а кто — тёмная лошадка.

Квас играл с куражом, который Макс сперва принял за пьяную браваду. Толстяк лез в каждый банк, не глядя на карты, и — чёрт бы его побрал — выигрывал. Раз, другой, третий. Однажды зашёл с семёркой и двойкой разномастными — рука, с которой нормальный человек пасует не задумываясь, — и на ривере собрал две пары. Макс только покачал головой и выбросил валета с десяткой, когда Квас в очередной раз двинул фишки на центр с таким видом, будто всю жизнь только и делал, что выбивал блефом соперников из казино в Монте-Карло.

— Слушай, — Джессика сузила глаза, — ты же сказал, что не умеешь.

— А я и не умею. — Квас развёл руками, и живот под свитером колыхнулся. — Мне просто прёт. Новичкам всегда прёт. Закон природы.

— Не закон, — отрезал Енот, не поднимая глаз. — Дисперсия.

— Дисперсия? — Юрка почесал перстень-хомут и подмигнул Джессике. — Это что, диагноз?

— Это когда тебе прёт незаслуженно, — подал голос Макс. — Но покер длинный. Всё возвращает с процентами.

— Вот-вот, — кивнул Енот с интонацией отличника,правляющего двоечника. — Играй с мусором — система накажет.

Квас хмыкнул и потянулся за следующей бутылкой. Сушки исчезали с противня с пугающей скоростью — в основном стараниями Юрки, который грыз их, точно бобёр-переросток, и приговаривал: «Под пиво — самое то, ребята, налегайте».

Совсем иначе вёл себя Тёма. Если Квас нёсся по столу, как носорог сквозь бамбук, то Артём крался — ровно, мягко, с основательностью, выдававшей привычку к долгой монотонной работе. Макс дважды поймал его на блефе: Тёма заходил с откровенным мусором, но делал это так уверенно, с таким бетонным лицом, что хотелось поверить в его карманных тузов. А когда карты вскрывались, виновато улыбался — мол, извините, ребята, работа такая.

— Строитель я, — объяснил он, пододвигая фишки побе-

дителю. — У нас на объекте занервничал — стены кривые выйдут, штукатурка пузырями пойдёт. Привык лицо держать. А блефовать — так это каждый божий день: заказчику говоришь, что всё по смете, а сам прикидываешь, где на доставке сэкономить и какой угол под шкафом недокрасить.

— Хорошая школа, — кивнула Джессика.

— Обычная школа, — мягко поправил он. — Сейчас коттедж в пригороде заканчиваю — три этажа, мрамор в прихожей, а фундамент ленточный, ещё советский. Я им: давайте сперва основание укрепим. А они — «нам красоту подавай, через месяц заселяемся». Вот и блефуешь. Говоришь: укрепим, будет и красиво, и на века. А сам думаешь: дай бог, чтобы после первой зимы трещинами не пошло.

Макс слушал и думал: за столом собрались не карты. Собрались биографии. И каждая — со своим фундаментом. Только пока не разобрать, у кого там монолит, а у кого труха под свежей штукатуркой.

Юрка играл легко и безалаберно. Сыпал шутками, иногда невпопад, но так заразительно, что даже Енот пару раз позволил себе кривую усмешку — быструю, тут же стёртую. Каждый три-четыре раздачи Юрка подносил к губам массивный перстень — смазанно, но с суеверным придыханием.

— Ты его что, заряжаешь? — не выдержала Джессика после пятого поцелуя.

— А то! — Юрка просиял. — Друг сказал: поцелуй — и фарт на весь вечер. Проверенный метод.

— Проверенный метод — это считать оддсы и эквити, — проворчал Енот.

— Да ну тебя, скукотища! — Юрка едва не опрокинул кружку. — Я так живу: где сердце шепнуло, туда и ставлю. А сердце у меня, — он постучал по груди, — вон какое. Большое. И перстень его подогревает. Ферштейн?

Квас захохотал. Джессика фыркнула в кружку. Макс улыбки не сдержал — не потому, что шутка была смешной, а потому что от Юрки шло тепло. Настоящее, без двойного дна.

Игра набирала обороты. Енот, верный себе, зависал над каждым решением так, будто от него зависела чья-то жизнь. Временами пауза затягивалась до звона в ушах. Джессика начинала нервничать первой: барабанила пальцами по сукну, переставляла кружку и вздыхала так, что свечку можно задуть.

— Енот, ёлки-палки, — прорвало её на пятой минуте очередного раздумья. — Ты диссертацию защищаешь или в покер играешь?

— Я считаю диапазон.

— Да что там считать? Либо есть карта, либо тянешь время!

— Непрофессиональный подход. — Он не поднял глаз; голос прозвучал сухо, как сжатый файл. — Я считаю ауты, шансы банка, эквити и спектр оппонента. Без этих данных решение не имеет обоснования.

— А я считаю, — парировала она, — что ты нас всех тут похоронишь раньше, чем мы до ривера доедем.

— Поддерживаю! — Юрка вскинул бутылку. — Давай, Женёк, решайся. Или в пас, или в бой. А то пиво греется, а я трачу лучшие годы на созерцание твоего лба.

Енот поправил очки — резко, птичьим движением.

— Фолд.

Джессика победно хмыкнула и сгребла банк. Карты у неё, как выяснилось через минуту, были мусорные — она просто давила авторитетом. Макс уважительно кивнул сам себе. Этот урок он запомнит. Терпение — оружие. Но и нетерпение — тоже. Особенно против тех, кто думает слишком долго.

Сам он играл тайтово. Туз и король с первой раздачи долго оставались его лучшей рукой; дальше шли картинки поменьше, и Макс раз за разом сбрасывал, не дожидаясь флопа. Он наблюдал — это была его настоящая игра. Замечал, как у Джессики дёргается левый уголок рта на блефе. Как Квас чуть кренит голову влево с сильной рукой. Как Юрка крутит перстень, сомневаясь. Как Тёма поправляет воротник перед тем, как украсть банк. Как Енот не выдаёт ничего. Вообще ничего. Сидит, как терминал, и перебирает фишки — ритмично, без сбоев.

И всё равно атмосфера оставалась тёплой. Не турнир волков — посиделки. Пиво текло рекой, сушки крошились на сукно, Макс время от времени тоже прикладывался к круж-

ке. Оно не туманило голову — наоборот, снимало зажим, с которым он ждал этого вечера. Хорошее настроение росло в нём медленно, как опара под полотенцем. Вот они — люди. Разные. Колючие. Шумные. Но они здесь. И он здесь. И карты шуршат. И мир за пределами подвала перестал существовать.

Где-то после часа игры на лестнице послышался грохот. Не шаги — именно грохот. Так топают люди, не вполне контролирующие ни конечности, ни громкость собственного голоса. Трое, судя по какофонии. Дверь распахнулась от удара ладони.

Первым вплыл крупный парень — именно вплыл, с амплитудой, на какую способно только тело, подогретое алко-голем и абсолютной уверенностью в собственной неотразимости. Брал не ростом, а объёмом: плечи-арбузы, грудь колесом, шея, сразу переходящая в затылок. Кепка козырьком назад, спортивные штаны, тёмная футболка в обтяжку со следами чего-то пролитого.

— Всем салют! — гаркнул он, вскидывая руку. — Агент 007 прибыл на спецзадание. Задание — обобрать вас всех и выпить всё пиво. — Хохот, басистый, с захлёбом. — Илюха я. Но для вас — Бонд. Можно просто Илюха. Можно «эйти», я не гордый.

Макс внутренне напрягся — рефлекторно, как перед столкновением. Но напряжение быстро стекло: было в Илюхе что-то обезоруживающее. Он нёс не агрессию — хаос. Ве-

сѣлый, пьяный, добродушный.

Следом спустился второй. Полная противоположность: худой, поджарый, за сорок, с лицом, на котором время оставило сетку морщин. Тёмные джинсы, кожаная жилетка на голое тело — претенциозно, но ему шло. Спиртным от него тоже несло, но хмель в нём был иного рода — не разудалый, а придавленный, с горьким прищуром человека, который много знает и мало кому верит.

— Алексей, — представился он неожиданно трезвым голосом, с металлическим отзвуком. — Позывной — Мститель. Пришёл показать, как играют настоящие мужики. Ну и пива, — он обвёл взглядом стол, — если плеснёте.

— Нальём. Присаживайтесь.

Третий вошёл молча. И при виде него разговоры за столом сами собой увяли.

Выше всех на полголовы. Не рыхлый — сбитый, как борцовский манекен. Бейсболка низко надвинута на лоб, глаза прятались в тени козырька. Тяжёлая челюсть, перебитый нос и шрам через левую щёку — от скулы до угла рта. Старый, белёсый; не бросался в глаза, пока не заметишь, но стоило заметить — и взгляд уже не отлипал.

Он не улыбался и не шутил. Просто стоял в проёме и оценивал обстановку. Макс осознал — не догадался, а осознал кожей, — что человек этот привык входить в незнакомые помещения и мгновенно считывать: где выход, кто главный, откуда ждать угрозы и кого вырубать первым.

— Рома, — сказал он коротко.

— Добрый вечер. — Макс постарался, чтобы голос звучал ровно, но внутри ёкнуло. — Техасский холдем, без денег, на интерес. Правила знаете?

— Разберусь.

Он прошёл к столу и сел. Движения плавные, тяжёлые. Веяло от него не угрозой — угроза была бы проще. Веяло спокойствием. Тем особенным, что бывает у очень опасных людей: им незачем суетиться.

Макс выдохнул и оглядел стол. Девять человек. Девять незнакомцев, поверивших в его объявление. Внутри что-то сжалось и отпустило.

— Ну что, — он поднял кружку, — за новоприбывших. Добро пожаловать в «Вятку».

Илюха немедленно потребовал пива, осушил половину кружки одним глотком и выложил мятую пачку сигарет.

— Мужики, курить-то где? Иначе психую и блефую не по делу.

— Наверху. Ступеньки, форточка нараспашку. Дверь прикрывайте.

— Понял, принял! Только без меня не начинайте. Одна нога здесь, другая там.

— У тебя минута, агент, — бросила Джессика.

— Женщина, ждатель — ваша профессия! — отбил он и исчез, насвистывая бондиану — фальшиво, но с чувством.

Мститель тем временем осматривался с ленивой полу-

улыбкой, от которой делалось неудобно.

— Знатный стол, — сказал он Максу. — Сам мастерил? В девяностых я в катране играл — там столы были фанера дырявая, на ривере карту поднять боялись, провалится. А тут — Италия, не меньше.

— Италии не знаю, но играть приятно.

— Приятно, — повторил он и взял кружку. — Ну, по ко-ням.

С появлением новичков игра не просто оживилась — по-шла вразнос.

Илюха вернулся, пропахший табаком и вечерней свежес-тью, и внёс элемент балагана: блефовал через раздачу, со-проводя каждое действие голосом заправского шпиона («так, этого злодея нейтрализуем... или нет, сбросимся, у ме-ня санкция на арест, а не на ликвидацию») — и даже Енот сбивался с расчётов, морщился, поправлял очки и что-то беззвучно шептал, пересчитывая диапазоны с поправкой на присутствие идиота.

Рома играл молча. Ставки скупые, движения экономные. Лицо — камень. Макс пытался его просчитать и не мог: ни тика, ни трещинки в бетоне. Играть с таким — всё равно что боксировать со стеной: никакой обратной связи, только боль в костяшках.

Мститель, напротив, комментировал каждую раздачу для невидимой публики. Поучал Кваса, критиковал Юрку, под-калывал Джессику и без конца вспоминал девяностые. К

середине второго часа он поплыл, и поучения становились громче и бессвязнее.

— Ты, рыжая, играешь, как на кассе в гастрономе. А покер — это кровь. Пот. Слёзы. Проигравший потом в подворотне башкой платит. Ты такое видела? А я видел.

— Я три года дилером работала, — отозвалась она ледяным тоном. — Такой крови повидала, что тебе и не снилось. Сиди и играй, Мститель.

За столом хмыкнули. Мститель пробормотал что-то про «баб, которых не учили уважать старших», но осадил.

Квас продолжал коллекционировать банки с мусором. Но покер длинный — где-то после двенадцатой раздачи он загнал весь стек в ол-ин с карманными тройками, надеясь на чудо. Джессика вскрыла пару дам — и фишки уплыли к ней. Квас вздохнул, но не расстроился ни на гран.

— Говорил же, — назидательно произнёс Енот. — Система наказывает неоптимальную стратегию.

— Наказала — и ладно. Зато сколько веселья было. А жизнь из веселья и состоит. Не из математики.

— Веселье — не банк, — отрубил Енот.

— А жизнь — не покер, — вдруг сказал Рома.

Фраза упала в тишину, как камень в воду. Никто не нашёлся с ответом. Рома уже снова смотрел в карты, и шрам на щеке белел в свете ламп.

Постепенно игра перешла в стадию выбывания.

Первым ушёл Илюха — слишком увлёкся образом шпи-

она, прозевал стрит у Тёмы и вылетел с громким хохотом. Объявил себя «почётным зрителем и главным дегустатором пива» и стал болеть за Юрку, признав в нём родственную душу.

Вторым выбыл Мститель. Проиграл молча, но долго не уходил — доказывал, что «ставки без денег — детский сад» и что «настоящий покер — это когда на кону что-то настоящее». Макс был твёрд. Алексей пересел к стене и через пять минут задремал — тихо, под шум голосов, как старый пёс у камина.

Квас продержался дольше, чем многие ждали. Везение схлынуло, оставив вязкий отлив; он перестроился, заиграл осторожнее — но законы дисперсии неумолимы. На ривере не добрал флеш — одной масти не хватило — и вылетел, философски пожав плечами.

— Значит, не судьба, — сказал он и присоединился к зрительскому корпусу.

Джессика ушла следующей. Рискнула пойти в олл-ин против Тёмы с топ-парой, но Тёма снова блефовал — на этот раз выше всяких похвал, с мертвецким лицом, — и под его «блефом» оказался сет. Джессика откинулась на стуле и расхохоталась — сочно, от души.

— Строитель, да ты опасный человек.

— Я предупреждал, — улыбнулся он одними уголками губ.

Юрка вылетел красиво. Перед решающей раздачей долго

и тщательно целовал перстень, закрыв глаза и что-то шепча — не то молитву, не то заговор. Пошёл в олл-ин. Рома вскрыл его с невозмутимостью скалы. У Юрки — две пары; у Ромы — пара тузов с королём, top pair, чуть впереди разве что по кикеру. Но ривер принёс Роме второго туза, которого не хватало, — три туза. Трипс перебил две пары. Юрка схватился за грудь и театрально рухнул на стул.

— Измена! Перстень, ты меня предал!

— Перстень держал тебя до ривера, — обронил Рома. — Дальше — карта.

Юрка посмотрел на него долгим взглядом — и заткнулся. Что-то в этом голосе прозвучало такое, от чего шутить расхотелось.

Тёма выбыл четвёртым. Долго играл осторожно, цеплялся за каждый банк, но в итоге столкнулся лбами с Енотом — математика против интуиции, алгоритм против чутья — и проиграл. Когда фишки перекечевали к победителю, Тёма спокойно встал, налил воды из графина и сказал:

— Хорошая игра. В следующий раз я тебя разложу на составляющие.

— Попробуй, — ответил Енот без тени улыбки.

Их осталось трое. Макс, Енот и Рома.

Тишина в подвале стояла уже не та, что час назад. Не уютная, предвкушающая — а густая, вязкая. Фишки перетекали от одного к другому, и с каждым кругом становилось всё яснее: игра идёт на выживание.

Макс играл тайтово. Стек уменьшался — медленно, но неотвратно. Он ждал момента, и момент настал: пришли карманные валеты. Макс поднял. Рома ответил. Енот пере-
ставил. Макс подумал — сердце бухнуло где-то в горле — и пошёл в олл-ин.

Рома сбросил. Енот вскрыл.

Две дамы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.